

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

БЫТЬ МОЖЕТ, эти мои слова покажутся нескромными и кто-то заподозрит меня в желании использовать юбилей республики для рассказа о самом себе. Мне бы не хотелось этого, и я заявляю сразу: я говорю об истории своей жизни потому, что вся она — в большом и малом — прямое следствие тех исторических событий, сорокалетие которых мы сегодня торжественно отмечаем, — образование Узбекской Советской Социалистической Республики и ее Коммунистической партии.

В самом деле, кем бы мне быть, не свершись эти события? Артистом? Никогда. Ведь в дореволюционном Туркестане не было национального театра, а узбекская литература не знала даже такого жанра — драматургия. Самые высокие мои радости, самые счастливые минуты за многие прожитые годы — это когда я выходил на сцену и нес своему народу идеи свободы и справедливости, добра и человечности — идеи коммунизма. Я был бы лишен всех этих радостей, всего того, что составляет смысл и цель моего существования, если бы не Советская республика, не Коммунистическая партия.

Впрочем, дело, конечно, не во мне. Я вижу зрительный зал, охваченный благороднейшим человеческим порывом, тысячи людей с просветленными лицами и очищенными душами. А на сцене — Сара Ишангураева, Алим Ходжаев, Наби Рахимов, Замира Хидоятова. Разве могут быть мгновения прекраснее! Их даровала нам победа Октября.

В юности, когда человеку посвятившись изведать сладость шумного успеха, он в упоении видит причины его исключительно в самом себе: это, мол, мои способности, мой талант. С годами приходит протрезвление, и начинаешь понимать, что врожденная способность — это лишь мраморная глыба, которая, чтобы превратиться в одухотворенное изваяние, нуждается в приложении большого труда. И уже только в зрелом возрасте утверждаешься в мысли, что талант — это сосуд, который обжигают события эпохи, расписывает время, наполняет окружающую жизнь. Вот еще одна и притом самая прямая связь и зависимость между историей моей жизни и фактами сорокалетней истории моей республики, моей страны.

Я был еще совсем молод, когда на земле Узбекистана шла ожесточенная борьба между трудовым народом и басмаческими бандами, за которыми стояли чужеземные колонизаторы. Это был первый урок жизни, урок, который запомнился навсегда. Были трудные годы коллективизации и первых пятилеток. Была война. Продолжением Великой социалистической революции явились годы, следовавшие за XX съездом партии. Это факты общественной биографии. И это исто-

Шукур БУРХАНОВ,
народный артист СССР

рия моей жизни. Были встречи с замечательной театральной культурой русского народа — гастрольные поездки в Москву и Ленинград, встречи на подмостках ташкентских театров, совместная работа, взаимная помощь и критика.

Сама действительность заставляла искать более действенные и тонкие средства художественной выразительности, требовала глубокого знания жизни, проникновения в человеческие характеры и отношения. Именно она, стремительно развивающаяся социалистическая действительность, всегда была моим первым учителем, мудрым наставником, и как верный ученик я благодарен ей за все доброе и лучшее, что есть во мне — человеке, гражданине, актере. Под знаменем свободной республики я рос вместе со своим народом, вместе с ним преодолевал трудности и торжествовал победу. У нас единое прошлое, совместное настоящее и общее будущее — у нас одна история.

...В притихшем зале гаснет свет. Я выхожу на сцену и вдруг всем существом своим переносюсь из наших дней на полстолетия назад. Я бедный батрак Гафур. Я мыслю его понятиями и живу его представлениями. Идет спектакль Хамзы «Бай и батрак».

На моем герое узбекский халат и такая знакомая чувственная тюбетейка. У него сугубо национальная манера выражать свои мысли, и даже жестикულიрует он как-то очень по-узбекски. И все же как мало похож он на того узбека, какого мы знаем сегодня. Иная психология — человека подневольного и забитого. Иной круг стремлений и интересов. Совсем иная манера держаться и действовать. А ведь Гафур — образ типический, олицетворение тех лучших сил, которые жили в узбекском народе!

На следующий вечер я буду играть нашего современника. Он тоже узбек. Но какая широта мысли, какая гражданская заинтересованность и активность, какое гордое сознание своего человеческого достоинства живет в нем! У него психология свободного человека и кругозор, границы которого пролегают где-то в космических дальях. Он мыслит категориями, неизвестными Гафуру и

Кинофильм «Заря над Азией». Ялангтуш — народный артист СССР Ш. Бурханов.

его современникам. У этого героя совершенно иные представления о смысле жизни и назначении человека, о долге, любви. Перед ним стоят другие по масштабам проблемы, и конфликты, которые ему приходится решать, — иного порядка. И даже если на нем традиционный национальный костюм, вы все равно по манере поведения, по взгляду и жесту сразу же определите: это уже совершенно другой узбек, социально и психологически иной тип. Контраст между этими героями настолько велик, что, честно признаюсь, играть их одного вслед за другим — дело нелегкое. И часто, без длительных «антрактов» переходя от одной роли к другой, невольно думаешь: какое же это великое чудо должно было свершиться, чтобы за каких-нибудь менее чем полстолетия так неузнаваемо преобразилась целая нация!

Сегодня, вспоминая длинную вереницу сценических образов, созданных за многие годы артистической деятельности, я отчетливо различаю, как творилось это чудо, вижу, как постепенно менялся и рос мой соотечественник. Вот делающий только первые шаги на этом пути, еще не сбросивший тяжких пут прошлого, ограниченный и страдающий из-за этой своей ограниченности дехканин Гулям из пьесы К. Яшена «Честь и любовь». А вот уже следующий этап: Равшан Садыков — парторг колхоза из пьесы Туйгуна «Любовь». И, наконец, генерал Рахимов из одноименной пьесы К. Яшена — тип узбека, сложившегося за годы Советской власти. Человек передового мировоззрения и глубокой культуры, военный начальник с высокоразвитым чувством патриотизма, прекрасный специалист и гуманнейший командир — такой Рахимов, образ, уже вплотную подходящий к героям наших дней.

Чтобы логически завершить эту цепь сценических образов, я должен был назвать сейчас еще одну роль — узбека-современника, человека 60-х годов. К сожалению, сделать этого я пока не могу: нет в моем репертуаре такой роли, нет героя, венчающего эту историческую галерею. Вы спросите: почему? За ответом на этот вопрос следует обращаться к нашим драматургам...

Я знаю, кое-кто, вероятно, не одобрит этих слов, сказанных в сегодняшний торжественный день: юбилей, как принято считать, — не самое подходящее время для упреков и критики. И тем не менее я от них не отказываюсь. Потому что юбилей — это не та черта, за которой уже все достигнуто и все идеально. Жизнь продолжается. Она ставит перед нами все более сложные и ответственные задачи. Она требует новых взлетов и свершений.

Деятелям искусства Советского Узбекистана предстоит еще немало потрудиться, чтобы стать вровень с требованиями современности, чтобы удовлетворить высокие духовные запросы народа. И они возьмут эти новые рубежи. Уверенность в этом внушают те великие творческие достижения, с которыми приходят они к славному юбилею своей республики и ее Коммунистической партии.

Сед. Кушмун, 1964, 19 ноябрь